

УДК 94(47).83:28

ББК 63.3 (2) 533-210.6+86.38

П.А. Столыпин и «мусульманский вопрос» в Российской империи

О.Ю. Курныкин

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

P.A. Stolypin and "Muslim Question" in the Russian Empire

O.Y. Kurnykin

Altai State University (Barnaul, Russia)

В начале XX в. имперская модель российского государства столкнулась с вызовами, обусловленными подъемом национального самосознания нерусских народов. Властные структуры Российской империи испытывали немалые трудности при выработке государственного курса в отношении «мусульманского движения», идейно и организационно оформившегося в период революции 1905–1907 гг. В статье анализируются взгляды и политический курс П.А. Столыпина в решении «мусульманского вопроса» в Российской империи. Отмечаются проявления прагматизма и настороженности в отношении Столыпина к мусульманской проблеме. Он акцентировал внимание на опасности идей панисламизма и пантюркизма для целостности государства. Меры, предпринимаемые властями, носили выборочный, реактивный характер, не подкреплялись достаточными финансовыми и кадровыми ресурсами. Несмотря на все попытки, государственным органам не удалось поставить под контроль внутреннюю жизнь мусульманских общин и мусульманскую систему образования. Недоверие и настороженность имперского центра к своим мусульманским подданным не позволили российским властям достичь взаимопонимания с мусульманскими элитами, в том числе пророссийски настроенными.

Ключевые слова: П.А. Столыпин, «мусульманский вопрос», панисламизм, пантюркизм, мусульманская система образования.

DOI 10.14258/izvasu(2018)5-08

Рубеж XIX–XX вв. в истории России характеризовался нарастанием кризисных явлений в функционировании имперской структуры, обусловленных, в частности, подъемом национального самосознания многих народов, включенных в состав огромного и необычайно разнородного российского имперского комплекса. Все более заметным явлением

At the beginning of the 20th century the imperial model of the Russian state faced challenges caused by the rise of national self-consciousness of non-Russian peoples. The power structures of the Russian Empire experienced considerable difficulties in the development of the State course in relation to the "Muslim movement", ideologically and organizationally formed in the period of the Revolution of 1905–1907. The article analyzes the views and political course of P.A. Stolypin in the solution of the "Muslim question" in the Russian Empire. There are signs of pragmatism and alertness in Stolypin's attitude the Muslim problem. He focused on the dangers of Islamism and Turkism ideas for the integrity of the state. The measures taken by the authorities were selective, reactive and not supported by sufficient financial and human resources. Despite all attempts, the public authorities failed to control the internal life of Muslim communities and the Muslim education system. The distrust and alertness of the Imperial Center to its Muslim subjects did not allow the Russian authorities to reach an understanding with Muslim elites, including pro-Russian ones.

Key words: P.A. Stolypin, "Muslim question", Panislamism, Panturkism, Muslim education system.

в общероссийском общественно-политическом дискурсе становилось культурно-политическое пробуждение мусульманских народов Российской империи, численность которых по переписи 1897 г. оценивалась в 13,9 млн чел. [1, с. 326], а по оценкам известного российского исламоведа В.В. Бартольда накануне 1917 г. в Российской империи (с учетом населения за-

висимых Бухарского эмирата и Хивинского ханства) проживало около 20 млн мусульман [2].

Существенным стимулом для идейно-политического оформления «мусульманского движения» в России стала революция 1905–1907 гг., приведшая к значительной либерализации правительственной политики в отношении «инославных» (неправославных христианских) и иноверных (нехристианских) конфессий; немаловажную роль сыграл также внешнеполитический фактор — революции в Иране (1905–1911 гг.) и Турции (1908–1909 гг.), всколыхнувшие политически активные слои российских мусульман и прозорливо расценивавшиеся известным российским дипломатом начала XX в. Н.В. Чарыковым как проявление «возрождения Востока» — культурно-исторического процесса мирового масштаба [3]. Неслучайно «мусульманский вопрос» хотя и не стал первостепенным для имперского центра в реализации национальной политики, уступая по значимости «польскому», «прибалтийскому», «еврейскому» вопросам, привлекал все большее внимание властных органов в центре и на местах (особенно в районах концентрации мусульманского населения).

Дискуссии в российском обществе о месте и роли ислама в Российской империи и о политике в отношении его приверженцев активизировались с конца XIX в. (см.: [4–6]). Если у либерально настроенной российской общественности деятельность мусульманских просветителей вызывала в целом благожелательно-сочувственную реакцию, то представители консервативно-охранительного лагеря воспринимали мусульманское движение как вызов и угрозу государственно-православным устоям империи.

Представляется заслуживающим внимания анализ отношения к «мусульманской проблеме» крупнейшего российского государственного деятеля П.А. Столыпина, оказавшего основополагающее влияние на многие аспекты российской действительности начала XX столетия. Столыпин в качестве главы кабинета министров (1906–1911 гг.) был ответствен не только за выработку общего правительственного курса, но, сохранив за собой на протяжении своего «премьерства» пост министра внутренних дел, курировал деятельность полицейских органов, а также департамента духовных дел иностранных исповеданий, в ведении которых находилось управление и контроль над мусульманскими общинами России.

Взгляды и политика П.А. Столыпина в отношении российских мусульман получили разногласные оценки в отечественной историографии (см.: [4, 7–9]) — от подчеркивания охранительной направленности политики и ограничительных действий в отношении российских мусульман до характеристики времени премьерства П.А. Столыпина как «высшей точки в либеральном реформиру-

нии религиозной сферы в предреволюционный период» [8].

Разумеется, мусульманский компонент российских подданных всегда находился в сфере внимания имперского центра, однако со второй половины XIX в. значимость мусульманской проблемы для сохранения устойчивости имперской структуры заметно возрастает. Это было связано как со значительным увеличением численности приверженцев ислама в Российской империи (особенно после поглощения Россией обширных среднеазиатских пространств), так и с постепенной активизацией деятельности мусульманских просветителей и общественных деятелей, в основном из числа казанских и крымских татар.

Сказывались и опасения в российских правительственных кругах (как представляется, преувеличенные) в отношении распространения среди российских мусульман панисламизма и пантюркизма, приобретших в представлениях российской бюрократии, да и значительной части общества черты не до конца понятной, но от этого еще более серьезной угрозы российской государственности и ее православным основам.

С «мусульманским фактором» П.А. Столыпин столкнулся еще в период пребывания его в должности гродненского и саратовского губернатора (в Саратовской губернии, согласно данным переписи 1897 г., проживало около 100 тысяч мусульман [1, с. 325]). Заняв в 1906 г. высший правительственный пост, Столыпин не мог не обратить внимания на «мусульманский вопрос», приобретающий все более значимый и самостоятельный характер в имперской политике в отношении иноверцев.

Прежде всего его позиция определялась базовыми принципами российской государственности, нашедшими отражение в уваровском триединстве «православие, самодержавие, народность». Однако к началу XX в. сложившаяся имперская модель все больше ставилась под сомнение, исторические реалии делали настоятельной необходимостью внесения существенных коррективов в имперскую конструкцию. Характер, направленность, масштабы этих коррективов стали предметом острых дискуссий в среде российской политической элиты, бюрократии, ученых-исламоведов.

В сфере религиозной политики Столыпин твердо отстаивал доминирующие позиции Русской православной церкви, нуждавшейся в «особой со стороны государства охране» [10, с. 110]. Он исходил из обязательного условия сохранения за Русской православной церковью положения господствующей и обеспечения за ней преимуществ, проистекающих из «природного свойства» русской государственности — союза власти с церковью.

Вместе с тем сохранение за православной церковью положения первенствующей не должно было, по мнению Столыпина, нарушать права других испо-

веданий и вероучений. Будучи практиком и прагматиком, он отдавал отчет в малой результативности, а подчас и в явных провалах политики русификации и обращения иноверцев (в том числе мусульман) в христианство. Не случайно одной из важнейших законодательных новаций периода русской революции стал указ от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», означавший либерализацию правительственной политики в отношении неправославных конфессий и расширение свободы вероисповедания (в частности, 14 декабря 1906 г. была отменена статья уголовного кодекса, каравшая за отпадение от христианства). Показательно, что после выхода указа о веротерпимости только в Поволжье около 50 тысяч «числившихся лишь усердием миссионеров на бумаге православных перешло обратно в магометанство» [10, с. 373].

Учитывая разочаровывающий опыт миссионерской деятельности среди российских мусульман, Столыпин признавал, что «нигде и никогда проповедь христианства не имела успеха среди мусульманского населения» [10, с. 262].

Представляется, что причисление Столыпина к сторонникам жесткой «антиисламской» линии [4] является не совсем оправданным, поскольку в период его премьерства был разработан и внесен в Государственную думу ряд законопроектов, расширявших свободу вероисповедания для мусульман Российской империи. Эти законопроекты касались, в частности, образования и регистрации религиозных общин, беспрепятственного богослужения, сооружения молитвенных зданий, перехода из одного вероисповедания в другое и т. д. По убеждению Столыпина, в области верования «государство должно действовать крайне бережно, крайне осторожно» [10, с. 252].

Вместе с тем в отношении к инородческому и иноверческому вопросам Столыпин выступал как убежденный государственник — интересы русского государства (как он их понимал) представлялись ему абсолютной ценностью. По его убеждению, имперские правительственные органы «обязаны охранять на окраинах интересы русской государственности, которые должны быть поставлены превыше всяких частных интересов отдельных народностей» [10, с. 167].

Усматривая цель политики русского правительства в достижении внутреннего слияния окраинных инородческих провинций с Россией, Столыпин понимал это слияние «не как денационализацию инородческого населения, а как мирное приобщение его к общему течению русской государственной жизни и возможное сближение местных жителей с русской общественностью при условии сохранения религиозных и племенных их особенностей» [10, с. 165]. Оставалось определить, какими способами и мерами можно было этого достигнуть.

Правительственный курс в отношении мусульманских подданных империи в период премьерства П.А. Столыпина характеризовался противоречивостью; речь шла о выработке новой модели взаимоотношений с приверженцами ислама, предусматривавшей расширение для них свободы вероисповедания наряду с усилением правительственного контроля над общественно-политической активностью лидеров мусульманской общины, а также над мусульманской системой образования. Этот курс выработывался в ходе острых дискуссий в правительственных инстанциях, межведомственных согласованиях, консультациях с представителями органов власти на местах, с привлечением в ряде случаев ученых-исламоведов.

В рамках намечавшегося курса Министерство внутренних дел, возглавляемое Столыпиным, в мае 1911 г. санкционировало проведение мусульманского съезда в Уфе, на котором было представлено до 2000 делегатов-мусульман из 36 губерний и областей. Съезд способствовал консолидации российских мусульман и выработки требований, предусматривавших уравнение в правах мусульман с русскими. Однако активизация мусульманской интеллигенции, появление в Государственной думе мусульманской фракции, вступившей в блок с кадетами, вызывали растущую настороженность в правительственных кругах и побуждали к принятию ограничительных мер.

С 1910 г. усиливается давление на мусульманскую журналистику (в основном посредством штрафов), предпринимаются попытки усиления правительственного контроля над мусульманскими образовательными и просветительскими учреждениями. Столыпин считал оправданным запрет на строительство новых мечетей в районах со смешанным населением, особенно в местах проживания крещенных инородцев [10, с. 261]. Вместе с тем, разделяя ряд стереотипных представлений об исламе, он не поддерживал крайние проявления исламофобии, охватившие часть российского общества и особенно заметные среди сторонников консервативно-православного охранительства.

«Национальное оживление», охватившее татар Поволжья и вообще мусульманское население Российской империи, Столыпин увязывал со стремлением к национальному самоопределению. С озабоченностью он отмечал «культурный перевес» сравнительно цивилизованного татарского населения, «сила которого заключается в воодушевлении национально-религиозной идеей панисламизма» [10, с. 263].

Как и другие представители российских правящих кругов, Столыпин считал опасной для государства идею панисламизма, учитывая, что 15-миллионное мусульманство империи населяет громадные пространства и привержено своим историческим и культурным традициям. «При таком положении

мусульманский вопрос в России не может не считаться грозным», — констатировал глава правительства. Исходя из государственных интересов Столыпин считал необходимыми усилия по «пресечению национально-татарского натиска» в Поволжье. В решении этой задачи первостепенное место отводилось им школе, как светской, так и церковной. Однако при этом признавалось, что материальное обеспечение школ, их кадровый состав, как правило, не знакомый с местными языками, не приспособлены к выполнению этих задач.

«Мусульманский вопрос» имел для Столыпина не только внутригосударственное измерение, он рассматривался также через призму внешнеполитических задач Российской империи на Востоке. Показательна в этом отношении «Записка о мерах для противодействия панисламскому и пантуранскому (пантюркскому) влиянию среди мусульманского населения 15 января 1911 г.», в наиболее полном виде отражающая подходы Столыпина к сути и способам решения «мусульманского вопроса» в России.

В Записке прежде всего констатируется «чрезвычайный подъем как религиозного, так и национально-культурного самосознания» во всем мусульманском мире на протяжении последних десятилетий. Среди российских мусульман это движение приобрело форму сплочения на почве «искусственно создаваемой татаризации» [10, с. 371], а также духовного сближения с единоверными государствами, главным образом с Турцией. В результате обозначилась тенденция к обособлению мусульманских подданных империи от «общегосударственных культурных задач», что расценивалось Столыпиным как угроза историческим задачам русской государственности.

Говоря о конкретных проявлениях подъема мусульманского движения в пределах Российской империи, Столыпин указывал на переход десятков тысяч крещенных инородцев в мусульманство, на распространение влияния татарских просветителей и татарского духовенства среди населения среднеазиатских областей, на распространение сети мусульманских профессиональных школ, возникновение мусульманско-татарских культурно-просветительных и благотворительных учреждений, воспитание молодежи из мусульманских регионов России в турецких учебных заведениях [10, с. 370–371].

Столыпин усматривал в этих явлениях реализацию программы панисламистов, предполагавшей объединение мусульман всего мира для образования единого мусульманского государства. При этом пантюркизм (т.е. идея об объединении всех народов тюркского происхождения) рассматривался им как переходная стадия к панисламизму. Поскольку панисламизм характеризовался как направление, враждебное России, государственная власть, по мнению Столыпина, должна обратить на татарско-му-

сульманское движение самое серьезное внимание, «в этом деле (противодействие активным проявлениям магометанства. — О.К.) все правительственные силы должны быть мобилизованы, так как важность государственных задач очевидна» (цит. по: [11]). Воспрепятствовать мусульманскому натиску, по его мнению, возможно посредством планомерных, последовательных и согласованных усилий в сферах администрирования, народного просвещения, профессиональной политики государства.

Для выработки соответствующего комплекса мер глава российского правительства распорядился созвать при Министерстве внутренних дел особое совещание из представителей центральных и местных ведомств (январь 1910 г.). Показательны выводы о причинах и условиях, способствовавших возникновению «мусульманско-татарского засилья и сепаратизма», к которым пришли участники совещания. Не отрицая формальной лояльности широких масс мусульманского населения России, совещание пришло к заключению, что в основе тревожных тенденций лежат прежде всего три взаимосвязанных фактора: «сравнительная духовная и культурная слабость русского населения тех местностей, которые густо заселены мусульманами», недостаточная осведомленность властей относительно «внутренних эволюций русского мусульманского мира за последние десятилетия», слабая осведомленность в официальных структурах о «самой системе государственно-правового устройства мусульманства в России» [10, с. 373].

Значительное внимание участниками совещания было уделено мусульманской системе образования как одному из эффективных каналов укрепления позиций ислама в России. Попытки внедрения в мусульманскую профессиональную школу элементов русского образования были сочтены безрезультатными, поскольку не приводили к усвоению учащимися мектебе и медресе русского языка. Вместе с тем совещание под предлогом разнообразия местных условий уклонилось от выработки общегосударственных мер в решении «мусульманского вопроса», возложив ответственность на местные власти.

Столыпин, со своей стороны, согласился с основными выводами и предложенными мерами по решению мусульманского вопроса, подчеркнув необходимость совместных и планомерных действий центральных и местных правительственных органов в этом направлении. Он акцентировал внимание на чрезвычайной опасности «панисламской и пантуранской пропаганды» для целостности государства. Призывая считаться с бытовыми привычками и верованиями мусульман-инородцев, Столыпин вместе с тем считал недопустимым культурное отчуждение мусульман от основополагающих государственных начал и «искание национальных идеалов вне своего государства».

Таким образом, в начале XX в. властные структуры Российской империи столкнулись с новым для себя вызовом со стороны идейно и организационно оформившегося «мусульманского движения», целью которого являлось сохранение религиозно-культурной самобытности в условиях русско-православного доминирования и самоорганизация российских мусульман на основе осознания и отстаивания своих специфических интересов. Эти процессы трактовались как попытки обособления от русского государственного организма, они наталкивались на стремление к универсализации государственно-политического пространства, исходившее из имперского центра. Столыпин, несомненно, осознавал глубинные подвиги, происходившие в национально-конфессиональной сфере империи, однако при этом считал недопустимым подрыв или ослабление русско-православного базиса Российской империи. Перед российскими правящими кругами встала сложнейшая задача поиска нового баланса между разнонаправленными тенденциями и процессами

в функционировании имперской структуры. Однако найти новую точку равновесия, выработать обновленный курс и программу действий в решении «мусульманского вопроса» ни в период «премьерства» П.А. Столыпина, ни после его гибели российским властям так и не удалось. Меры, предпринимавшиеся властями, носили выборочный, реактивный характер, не подкреплялись достаточными финансовыми и кадровыми ресурсами. Несмотря на все попытки, государственным органам не удалось поставить под контроль внутреннюю жизнь мусульманских общин и мусульманскую систему образования. Настороженность и недоверие имперского центра к своим мусульманским подданным, порожденные, в частности, неадекватной оценкой опасности со стороны панисламизма и пантюркизма, не позволили российским властям достичь взаимопонимания с новыми мусульманскими элитами, формировавшимися под влиянием европейского просвещения, подтолкнув их к сближению с умеренными оппозиционными силами.

Библиографический список

1. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описание, статистика) / составитель и автор вводной статьи, комментарии и приложений Д.Ю. Арапов. — М., 2001.
2. Записки П.А. Столыпина по «мусульманскому вопросу» 1911 г. Предисловие, примечание и комментарий Д.Ю. Арапова // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. — 2003. — № 2.
3. Арапов Д.Ю. Русский посол в Турции Н.В. Чарыков и его «Заключение» по «мусульманскому вопросу» // Вестник Евразии. 2002 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/russkiy-posol-v-turtsii-n-v-charykov-i-ego-zaklyuchenie-po-musulmanskomu-voprosu>.
4. Алексеев И.Л. Ислам, мусульманское общественное движение и проблемы управления мусульманским населением внутренних губерний России в начале XX в. в ракурсе российской административной элиты [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.islamrf.ru/news/islam-world/library/2885>.
5. Курныкин О.Ю. Ислам и формирование национального самосознания мусульманских народов Российской империи (вторая половина XIX — начало XX в.) // Проблемы этнического сепаратизма и регионализма в Центральной Азии и Сибири: история и современность. — Барнаул, 2004.
6. Курныкин О.Ю. «Мусульманский вопрос» и русское общество в конце XIX века (по поводу одной дискуссии на страницах российских газет // Сибирь, Центральная Азия и Дальний Восток: взаимодействие народов и культур. — Барнаул, 2005.
7. Арапов Д.Ю. Ислам в оценке российских государственных деятелей начала XX в. // Российская государственность XX века. — М., 2001.
8. Пинкевич В.К. П.А. Столыпин и религиозный вопрос в начале XX в. [Электронный ресурс]. — URL: <http://knigy-dlya-vseh.ru/intlibs.html?id=1746>.
9. Махмутова А. П.А. Столыпин: направить «серьезные усилия к пресечению национально-татарского натиска» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg/numbers/1998_3_4/03/03_1/.
10. Петр Аркадьевич Столыпин. Избранное. Речи. Записки. Письма. — М., 2010.
11. Голубкина Т.М. Мусульманский вопрос в России в начале XX века: идеи, проекты, решения (на примере губерний Среднего Поволжья) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/66>.